

Ольга Луценко

Полчаса для мамы

Ольга Луценко

Полчаса для мамы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584344

ISBN 9785448308079

Аннотация

Маленькие истории о самом сокровенном. О далеких воспоминаниях, о верных друзьях, о самых близких и дорогих людях. И о тех самых полчаса, которых нам не хватает для родителей.

Содержание

Полчаса для мамы	5
Ты да я, да мы с тобой	17
Ледоход	29
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Полчаса для мамы

Ольга Луценко

© Ольга Луценко, 2016

© Татьяна Емельянова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-0807-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полчаса для мамы

В одном старом цирке жила-была собака Жучка. Она не была породистой, у нее не было наград и медалей. Зато у нее был дружелюбный нрав, симпатичная рыжая мордашка и верный друг – старый клоун Тим. Это он привел Жучку в цирк.

Первое время она всех боялась и повсюду следовала за Тимом. Но потом Жучка знала всех в цирке! Слона Того, который рассказывал ей грустные истории, потому что других не знал. Мартышек Читю и Маргариту – они всегда радостно визжали, когда Жучка подходила к их клетке. Дрессировщицу Элеонору, которая угощала её чем-нибудь вкусненьким, приговаривая:

– Ах, ты, милашка!

В общем, собаку Жучку в цирке любили все, а клоун Тим – больше всех! Жучка даже выступала с Тимом на арене – выскакивала из чемодана, в котором Тим выносил ее, и оглушительно лаяла.

Но потом у нее появились щенки и выступления пришлось отложить. Жучка не переживала из-за краха своей

сценической карьеры, так как все по-прежнему любили ее. А щенки появлялись регулярно, с завидным постоянством.

Эта история случилась, когда Жучка на заднем дворе кормила своих двоих, уже подросших щенков. Клоун Тим и ветеринар Альберт Константинович вышли на крыльцо и очень серьезно посмотрели на Жучку. Жучка давно знала Тима, поэтому насторожилась.

– Что ж, Тимофей Аркадьевич, – глубоко вздохнув, сказал ветеринар – Все равно, других вариантов нет, пробуйте!

Клоун Тим опрометью бросился в здание цирка. Жучка приподнялась со своего места, понимая всю значимость момента. Тим вскоре вернулся, неся в руках маленький сверток. Он опустился на колени, погладил рыжую Жучкину спину и почти шепотом сказал:

– Ну, собачка моя, выручай милая! Кроме тебя, никто в целом свете не сможет помочь.

И старый клоун положил рядом с Жучкой совсем маленького беспомощного тигренка. Собака понюхала его – тигренок пах лекарствами, слабостью и обреченностью. Жучка отодвинулась, собираясь сбежать подальше от происходящего, но тут малыш, почувствовав тепло собачьего бока слабо

пискнул. И Жучка остановилась. Она наклонилась над почти безжизненным тельцем, лизнула шершавым языком розовый носик и тихонько прошептала:

– Не бойся, малыш, мы справимся!

Тигренок не погиб. Жучкино молоко и теплый рыжий бочок сделали свое дело – малыш стал поправляться, вскоре открыл глаза и получил звучное имя – Грета. Грета следовала за Жучкой по пятам, не отставая ни на шаг!

– Я пойду погуляю – говорила Жучка.

– Мама, я с тобой! – тут же отвечала Грета и смешно переваливаясь с боку на бок, ковыляла за собакой.

Вечерами Жучка пристраивалась на заднем дворе у теплой кирпичной стены, Грета ложилась рядом. И Жучка рассказывала ей сказки, глядя на звездное небо и вылизывая полосатый тигриный бок. Это и было то самое неземное счастье, когда весь мир заканчивался на заднем дворе цирка у старой кирпичной стены.

Грета уже давно питалась самостоятельно, но спать ложилась только рядом с Жучкой.

– Мама, – однажды спросила Грета – А почему мартышка Маргарита сказала, что я подкидыш?

– Мартышка Маргарита – просто глупая обезьяна, – ответила Жучка – Ты – моя дочка, самая красивая и самая любимая!

И Грета уткнулась носом в теплый мамин бочок и сладко уснула.

– Ничего, малыш, – словно заклинание, повторяла Жучка, глядя на звездное небо – Мы справимся!

Потом, конечно, Грета поняла, что Жучка – собака, а сама она – тигрица. Но от этого не стала меньше любить свою рыжую мохнатую маму. И Жучка всегда терпеливо ждала, когда с репетиции вернется ее большая полосатая дочка.

Однажды Грета не вернулась вовремя. Жучка сначала терпеливо ждала, а потом стала метаться по двору, звонко и надрывно лая. Когда на крыльцо вышел клоун Тим, она бросилась к нему со всех ног. Тим взял собаку на руки и быстро пошел по коридору.

Грета лежала на полу, шерсть на ее боку была выстрижена и на рваную рану наложены швы. Это во время репетиции

тигрица Стелла сильно ударила Грету лапой, выпустив все свои когти. Жучка опрометью бросилась к Грете! Осторожно приподнявшись на задних лапах, она понюхала рану и тихонько лизнула ее языком. Грета была уже почти взрослой тигрицей, и маленькая Жучка едва доставала до ее израненного бока.

Жучка не отходила от Греты ни на шаг до тех пор, пока та не пришла в себя.

– Мама, это ты? – прошептала Грета, открывая глаза.

– Я, доченька, конечно я! – проскулила Жучка и добавила – Ничего, малыш, мы справимся!

Грета быстро шла на поправку и вскоре ее снова стали водить на репетиции. Но теперь Жучка была рядом – клоун Тим проносил ее под полкой своего безразмерного халата. И когда тигрица Стелла в следующий раз снова оскалилась на Грету, Жучка бесстрашно кинулась на нее с лаем! И Стелла неожиданно отпрянула назад, уступая дорогу маленькой рыжей собачке.

– Ах, ты, рыжая бестия! – удивленно воскликнула дрессировщица Элеонора.

– Она просто мама, – улыбнулся клоун Тим – Которая теперь никому не даст в обиду свое дитя.

Шло время. Грета стала знаменитой артисткой и первой красавицей среди цирковых тигриц. Ни одни гастролы не обходились без нее! Но каждый раз, возвращаясь, Грета шла на задний двор поделиться радостью успеха с маленькой рыжей собачкой Жучкой.

– Мама, – говорила Грета – А почему ты не стала артисткой? Ты же выступала с Тимом когда-то? Разве тебе нравится жить здесь, на заднем дворе? Ведь в мире столько интересного!

– Артисткой? – удивлялась Жучка – А зачем? Что толку, будь у Тима в чемодане одной собакой больше? А не окажись я вовремя на заднем дворе, то и ты не стала бы артисткой... У каждого в жизни свое место, доченька.

Однажды, незадолго до очередных гастролей, Грета пришла на задний двор, неся в зубах двоих малышей. Она положила их перед Жучкой:

– Мама, я не знаю, что делать. Я не хочу бросать их, как бросили меня, но под вопросом моя карьера, я должна ехать на гастролы...

Жучка обнюхала двоих кругленьких пушистых малышей, улыбнулась и сказала:

– Ничего, малыш, мы справимся!

Когда Грета вернулась с гастролей, ее малыши подросли и окрепли. Жучка очень бдительно приглядывала за ними, а тигрята носились по заднему двору, как когда-то носилась сама Грета...

А время неумолимо бежало вперед, барабаня по крышам первым весенним ливнем, расцветая маками на полях за городом, и пестрыми кленовыми листьями шелестело на задворках старого цирка...

Уже давно выросли маленькие тигрята, Бим и Бом, и разъехались в разные края. Красавица Грета продолжала свои выступления на бесконечных гастролях.

Жучка сидела у старой кирпичной стены и смотрела подслеповатыми глазами куда-то вдаль. Когда-то округлые, бока впали, когти на лапах стерлись, а рыжая мордашка стала совсем седой. Клоун Тим потрепал ее за ухом:

– Ждешь?

– Жду, – ответила Жучка, не поворачивая головы.

– Сегодня должны приехать, – продолжал Тим – А вечером опять уедут...

Жучка молчала, прислушиваясь к шуму колес проезжающих по дороге машин.

Наконец, к воротам подъехал яркий пестрый фургон. Из распахнутой двери на землю спрыгнула Грета. Тоже яркая и очень красивая.

– Здравствуй, мама! – через весь двор рыкнула она.

Жучка вся напряглась, вытянулась в струночку, поворачивая голову на голос. Она почти не видела Грету, но ощущала ее присутствие всеми остатками собачьего чутья.

– Здравствуй, дочка, – выдохнула старая собака.

Грета восторженно рассказывала о своих успехах, одновременно складывая подарки на уступ кирпичной стены. Жучка даже не смотрела на них, она принюхивалась к лапам Греты. Это был незнакомый запах духов и парфюма, к которому обязывала жизнь знаменитой артистки.

Грета лизнула Жучку в щеку:

– Я опять уезжаю, мам... Сегодня...

– У тебя есть полчаса? – каким-то совсем другим голосом спросила Жучка – Посиди со мной, дочка...

– Мамочка, миленькая! – взмолилась Грета – Какие полчаса? У меня и пяти минут нет! Ты не представляешь, как я занята! Даже не знаю, как успевать!

– Ничего, малыш, ты справишься. – вздохнула Жучка – Иди...

Гастроли были насыщенными и продолжительными. Грета устала и затосковала по дому. Поэтому, когда пестрый фургон въехал на задний дворик старого цирка, она, не дожидаясь полной его остановки, спрыгнула на землю. На дворе была уже глубокая осень, моросил мелкий холодный дождь.

– Мама! – позвала Грета.

Холодная тишина эхом отразилась от кирпичной стены.

– Мама! – Грета заметалась по двору – Мама, я приехала!

Ветер хлопал деревянной калиткой и разгонял на рябь на лужах.

Клоун Тим тихонько подошел к красавице Грете и положил ладонь ей на плечо:

– Пойдем со мной, Грета...

Они подошли к старой кирпичной стене. Прямо у ее основания был виден еще свежий холмик земли, на котором лежал такой знакомый кожаный ошейник...

– Она ждала тебя – тихонько поглаживая Грету за ухом, сказал клоун Тим – Все время ждала...

Потом Тим ушел, и Грета осталась одна возле кирпичной стены. Она медленно прошла через весь двор и опустилась на мокрый гравий возле пустой собачьей конуры. Грета уже давно не помещалась в эту самую конуру, где провела все свое детство. Только ее красивая полосатая морда и кончики передних лап проходили туда...

В конуре пахло собачьей шерстью, опилками и... детскими воспоминаниями. Вот старый пластиковый мяч, любимая

игрушка маленькой Греты, а вот разноцветные кегли, которыми играли Бим и Бом... Жучка бережно хранила эти безделушки, согревая их долгими холодными вечерами и тихонько, по-собачьи, подвывая на желтую луну...

Грета снова подошла к кирпичной стене. Понюхала кожаный ошейник. И горько, совсем как обиженный ребенок, прошептала:

– Прости меня, мама...

Кленовый лист, сорвавшийся с ветки, легонько коснулся щеки Греты:

– Ничего, малыш, ты справишься!

А время все так же несло вперед, увлекая тигрицу Грету на новые гастроли. Свет рампы, пестрота афиш, короткие антракты... Все это заставляло все реже вспоминать о старой собачьей конуре и маленьком холмике у кирпичной стены на заднем дворе цирка... Но на пафосный вопрос корреспондентов:

– Вы такая успешная! Чего Вам не хватает в жизни? – красавица Грета отвечала одинаково:

– Мне теперь всегда будет не хватать полчаса... Для ма-

Мы...

Ты да я, да мы с тобой

Жил да был на свете Мух. Красивый Мух, с сиреневыми переливающимися на солнце перьями, с белоснежными крыльями, с мягкими лапками и теплыми ладошками. Мух держал путь в Дальние края, прямо туда, откуда каждое утро поднимается солнце! Каждый день Мух смотрел, как солнечный диск выныривал из морских волн, и пена бурлила у самой его кромки! Тогда Мух расправлял свои белые, как горный снег, крылья и летел навстречу солнцу. «Это так здорово, когда ты можешь летать!» – думал восторженный Мух.

Дальние края казались все ближе и ближе, и Мух улыбался счастливой улыбкой. Но однажды, когда он летел над Густым лесом, откуда-то снизу послышался странный звук. Звук был надрывным, всхлипывающим и таким жалобным, что Мух прервал свой полет в Дальние края и опустился вниз, на землю.

Там, внизу, под колючими ветками можжевельника сидел совсем маленький Нюх. Он был мокрым и беспомощным. Его малиновые перья вымокли, то ли от дождя, то ли от росы, и скатались в трубочки. Лапы были исцарапаны в кровь от долгого скитания по лесу, из синих, с радужной поволокой, глаз капали хрустально-прозрачные слезинки.

– Почему ты плачешь, маленький Нюх? – спросил Мух, усевшись на пенек.

– Мне очень страшно, – всхлипнул Нюх, робко взглянув на незнакомого Муха. – Я вымок и замерз, я хочу есть, и я совсем один здесь, в лесу...

Мух задумался.

– Знаешь, такие маленькие Нюхи, как ты, не должны гулять по лесу в одиночку, – Мух обнял Нюха и вытер теплой ладонью его слезы. – Мы с тобой построим дом! Теплый и уютный! Вот увидишь! А сейчас тебя надо накормить.

Мух принес хворосту и разжег костер. А потом насобирав полную шляпу грибов и аккуратно нанизал их на прутья. «Ничего, – думал Мух. – Дальние края могут немного подождать! А этот маленький Нюх пропадет в лесу! Его нельзя оставлять здесь одного! Я побуду тут с ним немножко. Зато, когда у него вырастут крылья, мы сможем вместе полететь в Дальние края!»

Мух ловко соорудил небольшой шалаш, устлал в нем полеловым лапником. А Нюх согрелся у костра и улыбался, робко поглядывая на хлопчущего Муха. Потом они уселись ря-

дом, уплетая за обе щеки, аппетитно прожарившиеся грибы и запивая их ароматным чаем из малиновых и земляничных листьев.

Огромная капля упала Нюху на нос. А за ней еще и еще! Мух вскочил и, смешно семеня короткими мягкими лапами, собрал вокруг ветки и соорудил навес над костром.

– Забирайся скорее в шалаш! – крикнул он Нюху. – А я сейчас воды в озере зачерпну, еще чай заварим! Смородиновый!

А потом они сидели вдвоем под еловой крышей шалаша и слушали, как дождь шуршит по ней, перебирая каждую иголочку.

– Как хорошо, когда есть дом, – Нюх прерывисто вздохнул. – И как здорово, что ты меня нашел! А куда ты летел, когда увидел меня?

– Я летел в Дальние края, туда, откуда каждое утро поднимается солнце, – задумчиво проговорил Мух, вглядываясь в темноту.

– Я помешал тебе?

– Нет! Что ты! Главное, чтобы ты смог летать, тогда мы полетим туда вместе! – Мух тихонечко погладил Нюха по малиновым перьям.

– Мух, а ты, правда, возьмешь меня с собой? – глаза маленького Нюха были широко открыты, а на лице вдруг засияла улыбка. – Правда, возьмешь?

– Конечно! – Мух тоже улыбнулся в ответ. – Вдвоем всегда веселее! Надо только подождать, когда у тебя вырастут крылья.

..... К первому снегу сооруженный наспех шалашик потихонечку превратился в маленький уютный домик, в котором была печка, теплая постель, два круглых окошка, осиновый столик и черный сверчок за карнизом.

Всю зиму домик спал под снегом. Мух варил суп из сушеных грибов, заваривал терпкий чай с брусничным листом. И, сидя у теплой печки, они вдвоем слушали, как скрипит снег под ногами у серого разбойника волка, как роняет шишки попрыгунья белка, как взлетает из сугроба тетерев. А еще Мух любил рассказывать сказки, а Нюх заслушивался и не замечал, как сладко засыпал. Тогда Мух укрывал его теплым пледом и бормоча себе под нос: «Ничего, мы подождем, когда у тебя вырастут крылья...», тоже забирался

в постель.

За зимой наступила весна, а за ней – лето. Мух и Нюх жили дружно. Мух подолгу пропадал в лесу, собирая мед и пыльцу, а Нюх сушил на солнышке землянику и собирал грибы. Они любили свой маленький домик, любили сидеть вечерами у костра и слушать комариный хор над озером.

– Мух, а правда, хорошо, что нас комары не кусают?

– Еще бы! Где это видано, чтобы они кусали Мухов и Нюхов?

Однажды, гуляя по лесу, они забрались на высокую гору. Мух встал на самом краю, закрыл глаза и расправил крылья.

– Мух! – испугался вдруг Нюх. – Ты улетаешь? В Дальние края, да?

Мух открыл глаза и улыбнулся:

– Нет, что ты! Я не брошу тебя одного. Я просто хочу хоть немного полетать здесь, над горой.

И Мух взмыл в воздух. Ах, как чудесно было снова очутиться в небе! Ощутить прикосновение ветра, окунуться

в золотисто-солнечные облака! Однако, Мух вдруг понял, что летает он уже не так легко, как раньше... Крылья, все еще сильные и снежно-белые, стремительно поднимали его в воздух, но скоро Мух стал уставать. «Ничего, – подумал он. – Это потому, что я мало летаю! Скорее бы у Нюха выросли крылья! Тогда мы полетим вместе!»

– Уже совсем скоро мы отправимся с тобой в Дальние края! – уверенно сказал Мух.

– Вместе, да? – обрадовался Нюх. – Прямо туда, откуда поднимается солнце?

Домой они вернулись совсем поздно. На лиловом небосклоне золоченой россыпью зажигались звезды.

– Мух! Смотри! – насторожился Нюх. – Дверь нашего дома открыта! И свежие следы на крыльце!

– Постой здесь, – прошептал Мух. – Я взгляну, кто там. Возможно, это ёжик зашел к нам в гости.

Но вовсе не ёжик оставил не запертой дверь и сырые следы на крыльце. Крынка с молоком была почти пуста. А в дальнем углу, у самой печки, на мохнатом коврикe спал совсем крошечный Ух! Он был изумрудно-зеленый, с тол-

стыми розовыми лапками и длинными-предлинными ресницами! Выпив почти полную крынку молока, сытый и довольный, он крепко спал, положив под щеку мягкую ладошку.

– Это Ух, – Мух говорил шепотом. – Он совсем маленький и он сам пришел к нам.

– А у него тоже вырастут крылья? – так же тихо спросил Нюх.

– Обязательно вырастут!

– Тогда пусть живет с нами! – обрадовался Нюх. – Я буду с ним играть.

И снова наступила зима, а потом весна. За ними пришло лето и зашуршала дождями осень... Маленький Ух заметно подрос и смешно, словно зеленый шарик, катался по полу. Он любил играть с Нюхом, а Мух смотрел на них и думал: «Эка невидаль – Дальние края! Успею еще! Лишь бы у малышей поскорее выросли крылья!»

Однажды, когда снова наступила весна, и с холмов побежали ручьи, Нюх вышел на крыльцо и радостно воскликнул:

– Мух! Смотри! Смотри, что у меня есть!

Два ослепительно-золотых крыла раскрылись за его спиной! Нюх стоял гордый и счастливый. А Мух посмотрел на него и задумчиво произнес:

– У тебя выросли прекрасные крылья, малыш! Пора!

И они снова пошли на Высокую гору.

– Вон там поднимается солнце! – сказал Мух. – Расправляй свои крылья и лети! Надо торопиться, иначе Дальние края станут еще дальше...

– А как же ты? – Нюх чуть не плакал. – Мы же хотели вместе с тобой? Ну, в дальние края?

– Мои крылья истрепались в лесу, мне уже не подняться так высоко, – грустно сказал Мух и глубоко вздохнул. – И, кроме того, я не могу оставить Уха одного, он еще совсем маленький. У каждого свои Дальние края...

– Тогда я тоже останусь здесь! – сердито сказал Нюх.

– Нет, малыш, ты должен лететь, – возразил Мух. – У тебя такие красивые и сильные крылья! Не стоит трепать их понапрасну в лесу...

– Тогда я вернусь к вам! Я только посмотрю, какие они, Дальние края?...

– Ну, конечно, мой маленький Нюх! – Мух украдкой смахнул ладошкой непрошеную слезу. – Конечно, вернешься! А мы с Ухом засушим грибов и земляники! Напечем пирогов с клюквой! Ведь ты же любишь пироги с мороженой клюквой?

– Мух,... – Нюх растерянно моргнул. – Я очень люблю вас... Тебя и малыша Уха...

– Пора, Нюх, пора! – Мух встревожено посмотрел вдаль. – Уже поднимается солнце!

Нюх встал на самый край Высокой горы и расправил свои, сверкающие золотом, крылья. Солнце до половины показалось из-за леса, заливая пунцовым светом макушки деревьев. Перья у Нюха тоже были алыми, как рассвет нового дня. Нюх вдохнул полной грудью свежий, пьянящий воздух и взмахнул окрепшими крыльями.

Мух стоял на краю Высокой горы и смотрел, как улетает навстречу рассвету молодой и красивый Нюх. Вдруг кто-то коснулся теплой ладошкой его руки:

– Почему ты не улетел в Дальние края с Ньюхом? – Ух с тревогой смотрел на Муха широко распахнутыми глазами. – Ведь ты все время мечтал об этом?

Мух улыбнулся:

– Мои крылья уже ослабли и не донесут меня в Дальние края... И потом, малыш Ух, у меня есть ты! А у нас с тобой есть наш старенький домик, в котором так тепло и уютно.

– И ты не бросишь меня?

– Как же я тебя брошу? Ведь у тебя еще не выросли крылья!

– Такие же, как у Ньюха?

– Не обязательно. У каждого вырастают СВОИ крылья, малыш Ух.

И они, крепко держась за руки, пошли по тропинке к своему домику.

А солнце поднималось высоко над лесом, нагревая землю, ручьи звенели все звонче, птичий хор звучал все гром-

че, облака поднимались все выше. Начиналась новая весна, расцветал новый день и Мух улыбнулся, глядя в глаза Уху:

– А все не так уж плохо! Правда?

– Правда. – ответил Ух. – Только все же жаль, что ты так и не увидишь Дальние края...

– Если бы я улетел тогда в Дальние края, вы с Нюхом замерзли бы в лесу! И у вас никогда бы не выросли крылья! А ведь это очень важно – иметь СВОИ крылья!

А потом они сидели за столом и пили чай с брусничным вареньем. Пузатый самовар пыхтел и отражал медным боком солнечные зайчики. А вечером Ух сладко уснул в своей постели, опустив на круглые щеки пушистые длинные ресницы. Мух укрыл его пестрым стеганым одеялом и подумал: «Дальние края, оказывается, не терпят промедления... Чуть замешкаешься – и останешься в лесу навсегда. Но ведь не это главное! Главное, чтобы у малышей выросли крылья!»

По узкой асфальтовой дорожке в сквере шла женщина с коляской. Маленькая девочка, лет пяти, крепко цеплялась пальчиками за ее края.

– Нюх, не дергай коляску! Малыша разбудишь!

– Нюх? – девочка остановилась. – Мама, почему Нюх? Какой Нюх? Это, который нюхает?

Мама засмеялась:

– Вовсе нет, малыш! Ты же у меня ТаНЮХа? Значит – Нюх!

Девочка на минуту задумалась. Весеннее солнышко щекотало щеки.

– А тогда ты будешь Мух! – задорно воскликнула она.

– Мух? Почему Мух?

– Потому, что маМУХа!

А потом она встала на цыпочки и заглянула в коляску:

– А он будет Ух! Потому, что СашУХа!

И сияло солнце, и был новый день, и была в нем маленькая сказка!

Ледоход

Хлестко, словно удар плетью, словно оборвали тетиву у арбалета, словно выстрел, многократно повторяемый эхом, летит над Северной землей добрая весть – ледоход! Это означает, что дала трещину зимняя стужа, что проснулась могучая и сильная река, что наступил конец апрельским метелям, что бесповоротно и окончательно наступила долгожданная весна!

Со скрипом и треском поворачиваются грузные льдины, расталкивая своей мощью друг дружку, крошась и дробясь на части, спешат, торопятся вниз по реке – к морю.

А река разливается, выходит из берегов, кипит, бурлит, изо всех сил старается вымести сор из терема! Огромные ледяные поля почти метровой толщины и совсем небольшие, пропитанные коричневой талой водой, льдины – всё вместе сливается в одну ледяную кашу, которая шуршит и скрежещет, унося с собой обломки холодной зимы.

Уж не один десяток ледоходов минуло с тех пор, когда я маленьким тщедушным мальчишкой мчался за льдинами, шлепая промокшими валенками по талому снегу и что было сил, вопил: «Унеси мои печали, ледоход!» А рядом

со мной, словно шумная стая пригревшихся на весеннем солнце воробьев, бежали мои друзья-товарищи, надежнее которых не было в целом свете! Мы швыряли в реку камни, стараясь попасть в проплывающие мимо льдины, и наперебой кричали: «Унеси мои печали, ледоход!» А взрослые смотрели нам вслед и улыбались – так все было просто! Надо было всего лишь попасть камнем на льдину, чтобы она унесла его в далекие дали, а когда растает льдина, пойдет камень ко дну и потянет за собой все невзгоды ушедшей зимы – обиды, тревоги и печали. Вот только горе-горькое, боль нестерпимую и утрату невозвратную не может унести с собой ледоход. Даже очень большой реке это не под силу...

Я родился, спустя всего три года после той страшной войны, в далеком северном городе, где зимой студеные ветра поют бесконечные протяжные песни, а во все небо полыхает мерцающая вуаль сполохов, где летом молочными реками растекаются колдовские белые ночи... Мое детство пахло вареной картошкой, жареной камбалой, багульником и свежеструганными досками деревянных тротуаров.

Я помню, как отец садился вечером прямо на ступеньки крыльца, добела выскобленные и тщательно вымытые по внутреннему графику дежурства в доме, доставал из кар-

мана куртки папироску и затягивался, устало щуря глаза. Во время войны он водил конвои до Мурманска, а после нее ходил в море механиком. Мне нравился терпкий запах его папирос, выцветшая тельняшка и колючие усы, под которыми пряталась добродушная улыбка. Я вприпрыжку бежал со второго этажа вниз по лестнице, громко топая босыми пятками по крашеным бурой краской ступеням, сидел рядом с отцом и так же, как он, упирался локтями в колени. Только отцовские колени были крепкими и широкими, а мои смешно торчали острыми углами сквозь потертые, короткие штанишки. Так мы сидели молча, до тех пор, пока мама призывно не нарушала наше дружное молчание:

– Эй! Мужики! Картоха готова, давайте идите ужинать!

Горячая картошка обжигала ладони, пряный запах соленых грибов и квашеной капусты будоражил аппетит. Мама что-то рассказывала и смеялась, отец сдержанно улыбался – в этом и состояли моменты тихого счастья и теплого ощущения дома.

Мне было восемь, когда умерла моя мама. Она заболела еще осенью, пролежала в постели всю зиму, но так больше и не поднялась... Ее не стало ранней весной, когда зима еще не закончилась, а собственно весна еще и не начиналась. Простой деревянный гроб, от которого пахло так же,

как от новеньких мостков в апреле, пустые печальные лица женщин вокруг, приглушенный разговор мужчин на лестнице... А потом – ледяной, колючий ветер на кладбище, который пронизывал всю душу насквозь, смерзшиеся комки земли, с глухим звуком падающие на крышку маминого гроба... И страх. Огромный и беспощадный страх, державший меня в оцепенении.

Там, среди кладбищенских крестов, я увидел одну девчонку-подростка, лет на пять старше меня самого, с огненно-рыжими прядями волос, с россыпью отменных конопушек на лице, серыми, с зеленым прострелом глазами. Она шла по дороге, понуро опустив голову, ее руки, словно плети, бесцельно болтались в такт ее шагам. Девчонка вдруг подняла голову, заглянула мне – нет, не в глаза – в душу, и тихонечко сказала:

– Не горюй так, парень, горе – не беда, что талая вода...

После маминых похорон отец стал крепко пить. Безучастными, остекленевшими глазами он смотрел сквозь меня и опрокидывал стакан за стаканом. В доме все стало чужим и неудобным: засаленные, неделями не мытые, полы, засохшие коричневые потеки у печки, горы грязной посуды и запах... Тошнотворный запах гнили, грязи и перегара...

Я почти все время пропадал у соседки, бабы Грани, она кое-как приглядывала за мной, кормила вареной картошкой в мундирах и постными шанежками. Я уже давно не ходил в школу. Сидел в углу у окна и почти не разговаривал. Только слезы, горькие и жгучие, текли по моим щекам.

– Будет тебе уже водку жрать, ирод! – ругалась баба Граня на отца. – Совсем парня-то изведешь!

Отец смотрел на нее зло и молча шел за очередной бутылкой...

От бабы Грани я тогда впервые услышал про «чудодейственну» силу большой воды в ледоход! А было это как раз в начале мая, когда солнышко уже жарко пригревало, заставляя ребятню расстегивать свою нехитрую одежду.

– Мишань, а пойдём с тобой погуляем? – баба Граня сняла с гвоздя свою телогрейку. – На улке вон как тепло! Будет тебе уже дома сидеть! На ледоход поглядим, а? Самый полный ледоход сейчас! Пойдем, Мишань?

Я посмотрел на нее, встал и тоже оделся. Мы вышли на крыльцо. Солнце сияло ярко, слепило глаза и пригревало щеки! Когда-то мы ходили смотреть на ледоход втроем – мама, отец и я, но теперь казалось, что этого и вовсе не было...

Мы с бабой Граней пошли к реке. На мостках снег был расчищен и дощатый настил уже успел просохнуть на солнышке. А на реке бурлила-кипела ледяная каша! Набухшие от мутной воды льдины с шуршанием и потрескиванием неслись во всю ширину реки, а за ними вдогонку мчались ребяташки с радостным криком: «Унеси мои печали, ледоход!»

– Почему они так кричат, баба Граня? – спросил я, провожая ребят взглядом.

– А это они чудодейственну силу зазывают, чтобы всю беду с ледоходом в море унесло.

– Как это унесло? – я насторожился. – Чтобы все плохое кончилось? А как надо сделать, чтобы эту силу зазвать?

Баба Граня обрадовалась тому, что я, наконец, заговорил, и продолжала:

– А надо камушек взять потяжелше, да кинуть его подальше, чтобы на льдину, котора по реке плышет, попал. А как попадет, тут сразу и загадать, чтобы все плохое ушло разом! Льдина камушек-то до моря дотащит, а в соленой воде растает. А не станет льдины – утонет камень в море вместе с бедой твоей, котору загадаешь, утонет насовсем.

Не дослушал я бабу Граню, схватил булыжник – да к реке! У берега лед на мели стоит, не движется, а я хотел непременно на большую льдину попасть! Баба Граня и глазом моргнуть не успела, как я уже прыгал по льдинам все дальше от берега. Изо всех сил швырнул я камень и громко закричал:

– Ледоход! Пусть папка водку пить перестанет!

Камень плюхнулся как раз на проворную льдинку и вместе с ней исчез в ледяной круговерти, а я не удержал равновесие, и соскользнул прямо в реку! Ледяная вода захлестнула меня до лопаток, обжигая холодом, но я удержался на ногах. Я стоял на отмели, по грудь в воде, от холода даже дышать не мог. Вокруг меня трещал, шумел ледоход, ворочались, севшие на мель льдины, откуда-то с берега кричали люди. И тогда я заплакал навзрыд! Нет, не от страха – от невыносимой тоски:

– Ледоход! Хочу, чтобы у меня была мама! Плохо мне без нее...

Я болел целый месяц. А когда открыл глаза, вокруг уже

было полно солнца! Оно заливало всю нашу комнату до самого потолка! Я повернул голову: в распахнутое окно заглядывала белая, как пена на гребне волны, черемуха!

– Мишанька! Сынок! – отец вошел в комнату, увидел, что я не сплю и радостно продолжал. – А мы уж заждались, когда ты проснешься! Вон, гляди – лето на дворе!

Я смотрел на радостное лицо отца и тоже улыбался. Отец был трезв, в доме пахло вымытыми полами, черемухой и чем-то вкусным.

– Тетя Граня! – отец распахнул дверь в коридор. – Тетя Граня! Иди-ко сюда! Мишанька проснулся!

Баба Граня, шаркая по половицам тяжелыми калошами, скоренько подошла к моей постели, присела на краешек и... заплакала.

– Баба Граня! – я протянул к ней руки, она наклонилась и обняла меня, продолжая плакать.

– Баба Граня! Ну, чего ты плачешь? Не надо плакать, баба Граня!

Я поправлялся быстро и очень скоро смог выходить

на улицу. Правда, далеко меня не отпускали, слаб еще был, но опасность, что я не выживу, миновала.

Отец ходил на работу, на судоверфь, а я оставался дома. Каким добрым и надежным был дом моего детства! Как дружно жили мы в нашей маленькой двухэтажной деревяшке! Баба Граня была мне за няньку, варила щи, выпекла шаньги да сказывала сказки. Тетя Лида, мама Леськи и Люськи, штопала одежду и следила за порядком. А Владлен Аскольдович все лето занимался со мной уроками, чтобы я не отстал от одноклассников. Он был из ссыльных, как теперь говорили – «из бывших», но после амнистии не уехал, а стал работать в нашей школе учителем математики и астрономии. Просто ему уже некуда было ехать... Он любил повторять:

– Михаил, довольно бездельничать! Наука не простит тебе промедления!

И я послушно шел к нему в комнату, садился за стол, и он терпеливо обучал меня азам той великой науки, которой владел сам.

А вечерами мы с отцом подолгу сидели на крыльце и дружно молчали. Он обнимал меня за плечи и легонько прижимал к себе.

– Ты, сынок, не сердись на меня, – однажды сказал мне отец. – Я слабинку дал супротив беды. Зато ты у меня молодец! Ты не бойсь! Теперь все будет, как надо! Горе – не беда, что талая вода...

А на следующий день я потихонечку, так чтобы больше никто не слышал, шепнул бабе Гране на ушко:

– Вишь, баба Граня, зазвал я чудодейственну силу-то у леодохода! Папка-то теперь вон, какой хороший, как раньше!

– А то как же! Конечно, зазвал! Ты теперь тоже за отцом приглядывать должен, не только он за тобой! – она удивительно хорошо улыбалась, баба Граня! Одними глазами!

А спустя год, в моей жизни произошло событие, которое в корне изменило мой мир. Однажды отец пришел домой не один. С ним была женщина. Отец, смущаясь, сказал, собравшимся на крыльце соседям:

– Это вот Варвара... Плохо в доме без хозяйки. Да и в море мне надо идти скоро...

Я с ужасом оглядывался на улыбающихся соседей! Чему они радуются?! Это что же? Теперь эта Варвара будет мне вместо мамы??? Вместо МОЕЙ мамы??? Я вскочил на ноги

и убежал в дом. Отец хотел было остановить меня, но Владлен Аскольдович сдержал его порыв:

– Не надо. Это нормально. Это пройдет! Да Вы ведь и не завтра в море уходите, привыкнет...

– И то верно! – поддакнула баба Граня. – Не век же тебе бобылем ходить. Да и парню мамка нужна.

Я возненавидел Варвару! Всем своим сердцем возненавидел! За что? За то, что она совсем не была похожа на мою маму... Моя мама была хрупкой, изящной женщиной, с короткой аккуратной стрижкой, рядом с отцом она выглядела почти что девчонкой. А Варвара оказалась совсем другой. Крупной, дородной, едва ли не выше отца ростом, густые волосы ее были сплетены в толстую косу и уложены вокруг головы. Лицо, круглое, как блин, с прозрачно-серыми глазами и мясистым носом. И голос. Громкий, звучный, он заполнял весь наш уютный мир и звучал в нем, как призыв к бою.

Я не желал садиться с Варварой за один стол, уходил пить чай к бабе Гране, я грубил ей безо всякого на то повода, я не желал делать ничего из того, о чем просила меня Варвара. Отец сердился, кричал на меня, баба Граня уговаривала, Владлен Аскольдович взывал к мужскому началу – ничего не помогало. Я все равно, злился и все равно, ненавидел

Варвару! Сама же она ни разу не повысила на меня голос, ни разу не рассердилась в ответ на мои безобразные и глупые выходки. Я понимал, что дальше так продолжаться не может, но упрямо не прекращал эту жестокую и бессмысленную войну со своей мачехой.

Но однажды, все-таки, компромисс был найден. И нашла его сама Варвара. В тот день было воскресенье, и отец с утра затеял засолку капусты. В доме запахло осенью. И я тут же вспомнил, как хлопотала мама, переминая хрустящие капустные листья с солью. Горький комок подступил к самому горлу.

– Мишань, – Варвара откинула со лба прядь волос и взглянула на меня своими рыбьими глазами. – Сходил бы на колонку, полведерка водички бы принес? А?

Я зло зыркнул на ее разгоряченные плечи и перепачканные нашинкованной капустой руки:

– Тебе надо, ты и иди!

Отец не выдержал и схватился за ремень:

– Я тебе покажу, как огрызаться! Сколь можно вокруг тебя прыгать!

В какой-то миг я испугался. Глаза отца пылали гневом, он первым не выдержал этой незримой войны! А я сквозь, непонятно откуда взявшиеся, слезы смотрел на то, как взмыл вверх кожаный солдатский ремень.

И тут между нами встала Варвара. Она своими крепкими пальцами схватила отца за руку и отвела от меня удар. Ремень повис в воздухе.

– Не надо, он не виноват, – Варвара говорила ровным спокойным голосом, так, словно ничего не произошло.

И в тот миг я впервые подумал о том, что она тоже не виновата, что моя мама умерла... Я встал, обулся, взял пустое ведро и пошел на колонку. Набрал полное ведро воды, я с каким-то удивительным чувством облегчения внутри себя, дотащил его домой и поставил у порога. Варвара посмотрела на меня, улыбнулась и сказала:

– Спасибо, Миша!

С тех пор война в доме закончилась. И хотя я по-прежнему сторонился своей мачехи, но больше не сердился на нее. Для себя я решил так, что когда окончу школу, то уеду далеко-далеко, стану капитаном дальнего плавания, а отец пусть

живет тут со своей Варварой! Или можно уехать в экспедицию, прямо на Северный полюс! Вот пусть тогда он покусает без меня!

Какими смешными и наивными были мечты маленького обиженного мальчика! Мне хотелось, всем сердцем хотелось, чтобы отец однажды понял, что я люблю его больше всех на свете, что я лучше его громогласной Варвары и что мне очень не хватает моей самой любимой на свете мамы...

Задиристую конопатую девчонку из моего далекого послевоенного детства звали Зойкой Полундрой. Наше знакомство с ней началось с того, что она спасла меня. От неминуемого позора, от простуды, от тумачков и шишек.

Весной, перед ледоходом, родилась моя сестренка Любаша. Отец назвал ее так в честь нашей мамы. Внимание всего дома переключилось на маленький горластый сверток, который отец с Варварой однажды принесли в дом. Вот тогда я и решил, что пора!

Я подумал, раз льдины по реке поплывут к морю, то можно взять где-нибудь лодку и поплыть вместе с ними! А уж ледоход непременно вынесет меня к какой-нибудь полярной

станции! И там мне обязательно все будут рады! Ведь даже баба Граня говорит, что я незаменимый помощник! А потом, спустя много лет, я вернусь в мой город с бородой и длинными волосами, в полярной куртке на меху, в унтах и обязательно – с медалью! Вот пусть тогда отец узнает, каким героем вырос его сын!

Дело было за малым – найти лодку. И я решил, что возьму лодку на Рыбачьей Слободе, напишу записку хозяину, а потом, когда вернусь, куплю ему новую лодку, в сто раз лучше прежней!

Серым промозглым утром я вышел из дому в стареньком ватнике и поношенных валенках. За спиной у меня болталась котомка, в которую я положил краюху хлеба, луковицу и компас, подаренный Владленом Аскольдовичем в прошлом году на День рождения.

У крыльца я встретил соседку тетю Лиду, она шла домой с полными до краев холодной водой ведрами.

– Мишань? Ты далеко ли собрался? – тетя Лида улыбнулась.

Врать своим соседям я не мог, поэтому ответил честно:

– На Северный полюс!

– А-а-а-а... Тогда понятно. Зайди в обед к нам, блинов напеку!

Рыбачья Слободка вытянулась вдоль Малой Протоки. Ледоход высоко поднял воду, и речушка вышла из берегов. Я оглянулся – ни одной лодки у берега не было! Горький комок подкатил к горлу: очень не хотелось возвращаться домой с поражением. И тут я заметил одну лодку, которая стояла ближе других к воде! Я обрадовался, мигом вскарабкался на бревенчатый настил и откинул старенький брезентовый тент. На борту красовалась надпись, аккуратно выведенная белой краской – «Полундра». Лодка была небольшой, но сдвинуть ее с места одному не представлялось возможным. И я решил, что сначала напишу записку хозяевам, а потом что-нибудь придумаю.

Я забрался в лодку, достал из кармана ватника замусоленный химический карандаш и на березовой щепке старательно вывел следующее: «Я УПЛЫВАЮ НА СЕВИРНЫЙ ПОЛЮС, ЛОДКУ ВИРНУ, КОГДА ВИРНУСЬ С МЕДАЛЬЮ. МИША» В душе наступило какое-то удовлетворение, и я уже начал воображать, как бы мне спустить лодку на воду, как вдруг сильный толчок в спину вышиб меня из равновесия. Я свалился сверху прямо в снежно-песочную жижу!

И в следующий же миг получил короткий удар в ухо!

Повернув голову, я обнаружил две пары сердитых глаз, пристально следящих за каждым моим движением.

– Дай-ка ему еще разок, Саня! Да покрепче! – худощавый мальчишка, не старше меня, снял шапку и почесал ладонью косматую макушку. – Будет знать, как Полундрину лодку трогать!

Саня был крепким парнем лет двенадцати, с белесыми, как талый лед, волосами и прозрачно-синими глазами.

– Ща наваляю! Больше не сунется! – сказал он с твердым намерением исполнить пожелания товарища.

– Эй! Мелюзга! – донеслось откуда-то сверху. – Двое на одного? Чего не поделили?

На дровнике стояла рыжая девчонка, с солнечными конопushками на лице, в огромной, не по росту, фуфайке, в настоящих солдатских сапогах (тоже не по размеру), в сотни раз стиранных, парусиновых штанах и в тельняшке, уверенно утверждающей статус главнокомандующего.

– Полундра! Он твою лодку увести хотел! Да мы не дали! –

воскликнул разгоряченный Саня.

– Лодку? Куда увести? – девчонка прищурилась, пряча улыбку под маской строгости. – Там же лед кругом! Далеко ли собрался?

Второй мальчишка, как потом выяснилось – Славка, протянул ей мою записку на щепке:

– Вот! Точно удрать собирался! Где бы мы потом лодку искали?

Девчонка пробежала взглядом по корявым буквам и вдруг посмотрела на меня как-то печально, почти, как мама. Что-то неуловимо знакомое было в ее залихватском облике, но я тогда сразу так и не понял, что именно. Она покровительственно улыбнулась и сказала:

– На Полюс, говоришь?

Я кивнул.

– Это легкая лодка. Не доплыть на ней до Полюса, – по-деловому продолжала она. – Да и лед кругом, первая же льдина тебя бы ко дну пустила.

– А что же теперь делать? – я взглянул в ее серые с зеленым прострелом глаза, собираясь зареветь по-настоящему.

– Домой иди! – девчонка спрыгнула с дровника и очутилась рядом со мной. – Тебя звать-то как?

– Мишанька, – всхлипнул я.

– Мишанька? С Заводской? Это ты, что ли, прошлой весной в ледоход в реку сиганул?! – обрадовалась вдруг девчонка.

Я снова кивнул и вдруг, неожиданно для себя, разреvelся в полный голос!

– Вот, оболтусы, довели парня! – она обняла меня за плечи и тихонько прижала к себе.

Я почувствовал запах вареной картошки и рыбы – так пахла ее старенькая фуфайка и так пахли мои воспоминания о маме – и разреvelся еще громче.

– А чё? А мы ничё! – оправдывались Саня со Славкой. – Мы же думали, он лодку сопрет! Да и стукнули-то не сильно, слегка только!

– Эх, вы, народ! – моя конопатая заступница улыбнулась открыто и солнечно. – «Стукнули»! Вас двое, а он – один! А ну, брысь по домам, шаньги трескать!

Мальчишки засмеялись, словно горох рассыпали, и тот час же исчезли. А я, всхлипывая и вытирая распухший от слез, нос рукавом, послушно поковылял за рыжеволосой девчонкой.

Широкая и светлая горница, посреди которой стоял огромный круглый стол, была чисто вымыта. На столе красовался пузатый медный самовар.

Девчонка почти силком стянула с меня промокший в талом снегу ватник, порылась где-то в рундуке за печкой и протянула мне аккуратно сложенную холщовую рубаху, широкие парусиновые штаны и веревку:

– Давай, парень, живо переодевайся, не то простынешь! – она улыбнулась так, что ее веснушки золотыми крупинками раскатились по щекам. – Великовато, правда, но ты веревкой подвяжи!

Вскоре вся моя одежда сохла за печкой, а я сидел за сто-

лом на огромном стуле с высокой, обитой бархатом, спинкой, и за обе щеки уплетал горячую картошку с жареной камбалой.

– Погоди! Грибов принесу! – дома она была больше похожа на обычную девчонку, чем там, на дровнике. – Меня Зойкой зовут. А вообще, Полундрой кличут.

– Полундрой? – я чуть не поперхнулся. – Почему?

– А Федор так назвал, брат мой. Приклеилось! Так ты чего на Полюс решил вдруг податься?

И под картофельный аромат да под горячий чаек рассказал я Зойке про свои печали и тревоги. Про то, что никак нельзя мне теперь домой – там отец с Варварой и маленькой Любашей, я им и не нужен вовсе. И про то, что одна мне теперь дорога – на Северный Полюс...

Зойка слушала внимательно, не перебивала и не смеялась надо мной, а потом, когда я замолчал и уткнулся носом в чашку с чаем, вдруг тихонечко сказала:

– Не горюй так, парень, горе – не беда, что талая вода...

И тут я вспомнил ее! Рыжие волосы, золотые россыпи ко-

нопушек на лице, серые с зеленым прострелом глаза! Это она была в тот день на кладбище, когда хоронили мою маму!

Позже я узнал, что Зойкин отец после войны прожил недолго, Зойка его даже почти не помнила, а мама умерла на две недели раньше моей. Это к ней Зойка ходила на кладбище в тот серый и неуютный день...

Зойкин брат Федор, здоровенный детина, обладатель густого баса и пушистых ресниц, каким позавидовала бы любая девчонка, не внял увещеваниям родственников отдать Зойку на воспитание в интернат, и оставил сестру при себе. Он научил ее ловить рыбу в реке, править лодкой и парусом, жечь костер в лесу, прятаться от дождя и многому-многому другому. А заодно наградил отчаянной кличкой – Полундра!

Не было на Рыбачьей Слободке никого ловчее и удачливее Зойки Полундры! И лодкой она правила умело, и с парусом управлялась в самую, что ни на есть, непогоду, и костер у нее пылал жарче других. А уж как она рыбачила! На зависть любому рыболову! Слободские ребята уважали Полундру, а некоторые даже побаивались. Чуть что, Зойка на тумачи и затрещины не скупилась, но и попусту тоже кулаками не размахивала.

С того самого дня началась у меня новая жизнь. Хоро-

шая, настоящая! Гораздо лучше, чем на Северном Полюсе! Полундра, как я уснул, живо смоталась к нам домой, предупредила отца с Варварой, чтобы не беспокоились, и сказала, что через неделю сама приведет меня обратно. На удивление отец с ней спорить не стал. Наверное, он уже устал от нашей с Варварой игры в молчанку. Точнее, от моего негласного бойкота Варваринуму присутствию в нашем доме. Поэтому даже обрадовался, что я остался у Зойки, передал ей мой портфель и учебники.

Утро у Зойки начиналось с того, что она сдергивала с меня одеяло и вопила на весь дом:

– Рота! Подъем!

А потом мы вместе бежали к колодцу, растирались прямо во дворе мокрым ершистым полотенцем, умывались холодной, почти ледяной водой, затем шли в дом, пили чай с поджаренными ломтиками хлеба и отправлялись в школу. Полундра провожала меня до самого крыльца большой бревенчатой избы, где занимались младшие классы, а сама шла за мост, в новое здание школы, к старшеклассникам.

Митька Шевелев, мой одноклассник, пытался было дразнить меня – мол, за девчачьей юбкой прячусь, но Полундра однажды сунула ему под нос, пусть не увесистый, но твердый

кулак, и сквозь зубы процедила:

– Пикни только!

После школы мы вместе с Зойкой хозяйничали по дому, варили картошку, жарили камбалу и делали уроки. Она зорко следила за мной, как за младшим братом, но спуска или слабины не давала.

Полундра слово сдержала – через неделю привела меня домой. К тому времени горечь обиды, толкавшая меня в путь к Северному Полюсу, прошла, и я уже стал скучать по отцу, по маленькой Любашке и, что самое странное – даже по Варваре!

– А как думаешь, Полундра, – однажды спросил я Зойку – Варвара, небось, не шибко по мне печалится? Небось, и рада, что меня дома нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.